

Пока я жива

Автор:

Дженни Даунхэм

Пока я жива

Дженни Даунхэм

Шестнадцатилетняя Тесса Скотт сыта по горло приемными покаями больниц, сухими медицинскими диагнозами и сочувствующими взглядами родных, ведь за оставшийся месяц она хочет успеть то, что некоторым не удастся и за всю жизнь. Поэтому девушка составляет список желаний и собирает последние силы, чтобы исполнить их до того, как тело начнет отказывать ей. Некоторые пункты списка выходят за границы дозволенного – но именно это позволяет Тессе по-новому взглянуть на свои отношения с теми, кого она оставляет.

Книга также выходила под названием «Сейчас самое время»

Дженни Даунхэм

Пока я жива

Jenny Downham

Before I Die

© 2007 by Jenny Downham

© Ю. Полещук, перевод на русский язык

* * *

Луи и Арчи с любовью

Один

Как бы я хотела, чтобы у меня был парень. Чтобы он висел в шкафу на вешалке, а я бы его доставала, когда вздумается, и он смотрел бы на меня, как парни в фильмах, – так, словно я красавица. Тяжело дыша, он без лишних слов снимал бы кожаный пиджак и расстегивал джинсы. Под ними белые трусы; парень так красив, что у меня кружится голова. Потом он бы меня раздевал. Снимая с меня одежду, он шептал бы (слово в слово): «Тесса, я тебя люблю. Я без ума от тебя. Ты такая красивая».

Я сажусь на кровати и включаю ночник. Ручка есть, но нет бумаги, и я пишу прямо на стене: «Я хочу, чтобы на меня лег парень, хочу почувствовать тяжесть его тела». Потом ложусь и смотрю в небо. Оно странного цвета – угольно-красного, словно день истекает кровью.

Пахнет сосисками. По субботам всегда сосиски. А к ним пюре и капуста с луковой подливкой. Потом папа возьмет лотерейный билет, Кэл выберет числа, они с отцом усядутся перед телевизором с подносами на коленях и поужинают. Посмотрят «Икс-фактор» и «Кто хочет стать миллионером?». Потом Кэл сходит в ванную и ляжет спать, а папа перед сном будет допоздна курить и пить пиво.

Сегодня он уже заходил ко мне. Подошел к окну и раздернул занавески. «Смотри!» – сказал он, когда в комнату хлынул свет. Был день, и было небо, и в нем плыли верхушки деревьев. Его силуэт вырисовывался на фоне окна; папа стоял подбоченившись – этакий Могучий Рейнджер.

– Чем я могу тебе помочь, если ты все время молчишь? – проговорил он, подошел и присел на край кровати. Я затаила дыхание. Если долго не дышать, в глазах начинает рябить. Папа погладил меня по голове, нежно массируя пальцами кожу.

– Дыши, Тесса, – прошептал он.

Вместо этого я схватила с тумбочки шапку и натянула на глаза. Тогда он ушел.

Сейчас он внизу, жарит сосиски. Я слышу, как шипит жир, как булькает в кастрюле подливка. Не знаю, действительно ли все это слышно сверху, но меня уже ничем не удивишь. Я слышу, как Кэл расстегивает куртку (он ходил в магазин за горчицей). Десять минут назад ему выдали фунт и велели не разговаривать с незнакомцами. Пока его не было, папа курил на заднем крыльце. Я слышала шорох листьев, падающих на траву у его ног. Наступает осень.

– Повесь куртку и сходи спроси, не нужно ли чего Тессе, – говорит папа. – У нас есть черника. Вдруг она захочет.

Кэл в кроссовках; когда он прыжками поднимается по лестнице и входит в мою комнату, в его подошвах хлупает воздух. Я делаю вид, будто сплю, но Кэла это не смущает. Он наклоняется ко мне и шепчет:

– Даже если ты больше никогда не будешь со мной разговаривать, мне плевать.

Я открываю один глаз и вижу два его голубых глаза.

– Я так и знал, что ты притворяешься, – ухмыляется Кэл. – Папа спрашивает, не хочешь ли ты черники?

– Нет.

– Что ему сказать?

– Скажи, что я хочу слоненка.

Кэл смеется.

– Мне будет тебя не хватать, – признается он и уходит, оставив меня лежать на сквозняке с открытой дверью.

Два

Зои без стука заходит в комнату и плюхается ко мне на кровать. Она странно на меня смотрит – так, будто не ожидала здесь увидеть.

– Что подделываешь? – спрашивает она.

– А что?

– Ты больше не спускаешься вниз?

– Тебе что, звонил мой папа?

– У тебя что-то болит?

– Нет.

Смерив меня подозрительным взглядом, она встает и снимает пальто. На ней короткое красное платье в тон сумочке, которую Зои бросила на пол.

– Ты куда-то собралась? – интересуюсь я. – У тебя свидание?

Она пожимает плечами, подходит к окну и выглядывает в сад. Водит пальцем по стеклу. Потом говорит:

– Может, тебе стоит поверить в Бога.

– С чего это?

– Как и всем нам. Всему человечеству.

– Едва ли. Похоже, Бог умер.

Она оборачивается и смотрит на меня. Лицо бледное, как зима. За ее плечом, мигая, по небу летит самолет.

– Что ты там написала на стене? – интересуется она.

Не знаю, зачем я дала ей это прочесть. Наверное, мне хочется, чтобы что-то случилось. Надпись сделана черными чернилами. Под взглядом Зои слова корчатся, как пауки. Зои перечитывает их несколько раз подряд. Терпеть не могу, когда она так жалостливо на меня смотрит.

– Да уж, это явно не Диснейленд, – тихонько произносит она.

– А я разве говорила, что хочу в Диснейленд?

– Мне так казалось.

– Ты ошибалась.

– Я думаю, твой папа ждет, что ты попросишь пони, а не парня.

Как здорово слышать наш смех. Смеяться больно, но мне все равно нравится. Обожаю хохотать над чем-то с Зои, потому что знаю: мы представляем себе одни и те же дурацкие картинки. Стоит ей сказать: «Тогда уж скорее подошла бы племенная ферма», как мы обе заходимся в истерике от смеха.

– Ты плачешь? – спрашивает Зои.

Не знаю. Наверное. Я всхлипываю, как женщины в телевизоре, у которых погибла вся семья. Я подвываю, как зверь, отгрызающий себе лапу. Все наваливается как-то сразу: как будто пальцы мои – лишь кости, а кожа почти прозрачна. Я чувствую, как в левом легком размножаются клетки, наваливаются одна на другую, словно пепел, медленно заполняющий сосуд. Скоро я не смогу дышать.

– Бояться естественно, – говорит Зои.

– Нет.

– А вот и да. Что бы ты ни чувствовала – так и должно быть.

– Представь, что ты постоянно живешь в страхе.

– Запросто.

Но куда ей! Откуда ей знать, как это, если у нее впереди целая жизнь? Я снова прячусь под шапкой, всего на секунду, потому что мне будет не хватать дыхания. И болтовни. И рыб. Люблю рыб. Мне нравится, как они открывают и закрывают рот.

Туда, куда мне предстоит отправиться, ничего с собой не возьмешь.

Зои следит, как я вытираю глаза краешком одеяла.

– Помоги мне, – прошу я.

Она озадаченно глядит на меня:

– В чем?

– Они пока не готовы. Я перепишу их набело, и ты меня заставишь это сделать.

– Заставлю сделать что? То, что ты написала на стене?

– И не только, но сначала – парень. Зои, ты тысячу раз занималась сексом, а я даже ни с кем не целовалась.

Зои задумалась над моими словами. Я вижу, что они запали ей глубоко в душу.

– Не то чтобы тысячу, – наконец произносит она.

– Ну пожалуйста, Зои. Даже если я буду тебя просить, даже если я тебя чем-то обижу, ты меня заставляй. У меня целый список желаний.

Наконец она соглашается, и это выходит у нее так непринужденно, словно я попросила почаще меня навещать.

– Правда?

– Ну я же обещала, разве нет?

Интересно, понимает ли она, во что ввязалась?

Я сажусь на кровати и смотрю, как Зои роется в моем шкафу. Наверное, она что-то задумала. И это мне в ней нравится. Но лучше бы ей поторопиться, потому что я начинаю думать о всякой всячине. О морковке. О воздухе. Утках. Грушевых деревьях. Бархате и шелке. Озерах. Мне будет не хватать льда. И дивана. И гостиной. И фокусов Кэла. И всего белого – молока, снега, лебедей.

Зои выудила из шкафа платье с запахом, которое папа купил мне месяц назад. Я даже ценник еще не срезала.

– Я надену это платье, – сообщает Зои. – А ты мое. – Она расстегивает пуговицы.

– Мы куда-то пойдем?

– Тесс, сейчас субботний вечер. Слышала о таком?

Разумеется, слышала.

Я не вставала несколько часов. Теперь я испытываю странную легкость и пустоту. Зои в нижнем белье помогает мне надеть ее красное платье. Оно пахнет ею. Ткань мягкая и липнет к телу.

– Зачем мне надо его надевать?

– Иногда здорово почувствовать себя кем-то другим.

– Кем-то вроде тебя?

Она задумывается над моими словами.

– А что, – отвечает Зои, – пожалуй, кем-то вроде меня.

Взглянув на себя в зеркало, я замечаю, до чего переменилась: большие глаза, дерзкий вид. Я выгляжу просто потрясающе, так, будто для меня нет ничего невозможного. Даже волосы смотрятся здорово: кажется, будто они сбриты нарочно, а не просто так растут. Мы глядим на себя, стоя бок о бок, а потом Зои уводит меня от зеркала, усаживает на кровать, берет с туалетного столика косметичку и садится рядом со мной. Она выдавливает на палец тональный крем и мажет мне на щеки, а я разглядываю ее. Зои очень светлая блондинка с белой кожей; из-за угрей она выглядит немного диковато. А у меня никогда даже прыщика не было. Тут уж кому как повезет.

Она обводит мне губы контуром и закрашивает помадой. Потом достает тушь и велит смотреть прямо на нее. Я пытаюсь представить, каково это – быть Зои. Я часто так делаю, но до конца вжиться в образ никак не получается. Тут Зои снова тащит меня к зеркалу. Я выгляжу великолепно. Почти как она.

– Куда ты хочешь сходить? – спрашивает Зои.

Есть куча мест. Паб. Какой-нибудь клуб или вечеринка. Мне хочется в большую темную комнату, в которой много народу и все танцуют, то и дело задевая друг друга. Я хочу услышать тысячу оглушительно громких песен. Я хочу танцевать так быстро, чтобы мои волосы отросли до пят. Я хочу громко кричать, перекрывая уханье басов. Я хочу, чтобы меня бросило в жар и я грызла бы лед.

– Пойдем куда-нибудь потанцуем, – предлагаю я. – Найдем каких-нибудь парней и займемся с ними сексом.

Из гостиной выходит папа и поднимается по ступенькам. Он делает вид, будто шел в туалет, и притворяется, что не ожидал нас увидеть.

– Ты встала! – восклицает он. – Чудо! – Папа сдержанно, явно завидуя, кивает Зои в знак благодарности. – Как тебе это удалось?

Потупившись, Зои улыбается:

– Просто ее надо было немножко растормошить.

– И чем же ты ее расшевелила?

Выпятив бедро, я поясняю, глядя отцу прямо в глаза:

– Мы с Зои идем танцевать стриптиз.

– Смешно, – отвечает он.

– Нет, правда.

Он качает головой, поглаживает живот. Мне его жалко, потому что он не знает, что делать.

– Ладно, – говорю я. – Мы идем в клуб.

Папа смотрит на часы, как будто это ему что-то даст.

– Я за ней присмотрю, – обещает Зои так мило и невинно, что я почти ей верю.

– Нет, – возражает отец. – Ей нужен отдых. В клубе накурено и шумно.

– Если ей нужен отдых, зачем вы мне тогда звонили?

– Я хотел, чтобы ты с ней поговорила, а не уводила с собой!

– Не беспокойтесь, – смеется Зои, – я ее верну.

Я чувствую, как все мое оживание куда-то испаряется, потому что знаю: папа прав. Сходив в клуб, я буду неделю спать. Если переутомлюсь, потом непременно буду за это расплачиваться.

– Ладно, – говорю я. – Какая разница.

Зои хватает меня за руку и тащит за собой по лестнице.

– Мама дала мне машину, – сообщает она, – к трем часам я привезу Тессу домой.

Папа не соглашается: три часа – это поздно; он просит Зои привезти меня домой к полуночи. Он повторяет это несколько раз, пока Зои достает из шкафа в прихожей мое пальто. Мы выходим из дома; я кричу «Пока!», но папа не отвечает. Зои закрывает за нами дверь.

– Может, и правда к полуночи? – спрашиваю я у Зои.

Она поворачивается ко мне:

– Послушай, подруга, если уж ты собралась как следует оттянуться, учись нарушать правила.

– Почему бы нам не вернуться к полуночи? Папа будет волноваться.

– Ну и пусть, какая нам разница? Уж кому-кому, а тебе точно не придется отвечать.

Никогда об этом не задумывалась.

Три

В клуб мы проходим легко. В субботу вечером девушек на тусовках маловато, а у Зои шикарная фигура. При виде нее вышибалы пускают слюни и машут нам, чтобы мы шли в начало очереди. Покачивая бедрами, Зои заходит в клуб; вышибалы провожают нас взглядом, пока мы идем через холл к гардеробу.

– Приятного вечера, девушки! – кричат они. Денег с нас не берут. Нам все бесплатно.

Сдав пальто в гардероб, мы идем в бар и заказываем две колы. Зои добавляет в бокал ром из принесенной с собой фляжки. Она поясняет, что так делают все студенты их колледжа, потому что это дешевле, чем покупать выпивку в клубе. Мне пить нельзя, и это правило я нарушать не собираюсь, потому что спиртное напоминает мне о лучевой терапии. Как-то раз между процедурами я смешала напитки из папиного бара и жутко напилась, и теперь в моей памяти одно неотделимо от другого – алкоголь и ощущения после тотального облучения всего организма.

Мы прислоняемся к стойке бара и оглядываем зал. Клуб набит битком, на танцполе полно народу. Лучи света перескакивают с бюста на бюст, рыщут по задницам, по потолку.

Зои заявляет:

– Кстати, у меня есть презервативы. Если понадобятся, они в сумке. – Она касается моей руки. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

– Точно?

– Да.

Бурлящий субботним вечером клуб – то, чего мне и хотелось. Я взялась за список, и Зои мне помогает. Сегодня я вычеркну первый пункт – секс. И пока не выполню все десять, не умру.

– Смотри-ка, – говорит Зои, – как тебе вон тот? – Она указывает на парня. Он и вправду неплохо танцует, с закрытыми глазами, будто один в клубе и ему не нужно ничего, кроме музыки. – Он тут каждую неделю бывает. Не представляю, как ему удастся здесь накуриваться. Симпатичный, правда?

– Торчок мне не нужен.

Зои смотрит на меня неодобрительно:

– Ты что, сдурела?

– Если он под кайфом, то потом меня и не вспомнит. И алкаш мне тоже не нужен.

Зои со стуком ставит бокал на стойку.

– Я надеюсь, ты не намерена влюбиться? Только не говори мне, что это тоже в списке.

– Нет, этого нет.

– Вот и хорошо. Ты уж извини, что я напоминаю, но времени у тебя маловато. Ну, за дело!

Она тащит меня за собой на танцпол. Мы подходим достаточно близко, чтобы Торчок нас заметил, и танцуем.

Все идет прекрасно. Кажется, будто мы все – одна семья: мы двигаемся и дышим в одном темпе. Народ осматривается, приглядывается друг к другу. И этого у меня уже никто не отнимет. Субботним вечером танцевать в клубе в красном платье Зои, притягивая взгляды парней. У кого-то из девушек и этого нет. Даже такой малости.

Я знаю, что будет дальше: у меня была масса времени для чтения, и я помню все сюжеты. Торчок придвинется ближе, чтобы получше нас разглядеть. Зои на него и не посмотрит, а я посмотрю. Я не отведу взгляда, и, наклонившись ко мне, он спросит, как меня зовут. Я отвечу: «Тесса», и он повторит за мной – твердое «т», свистящее двойное «с», многообещающее «а». Я кивну, давая понять, что все правильно, что мне приятно слышать, как ново и нежно звучит мое имя. Парень поднимет руки ладонями вверх, словно говоря: «Сдаюсь, кто же устоит перед такой красавицей?». Я лукаво улыбнусь и опущу глаза. Это подскажет ему, что надо действовать, что я не кусаюсь, а играю по правилам. Он обнимет меня, и мы станем танцевать вдвоем; я положу голову ему на грудь, слушая, как стучит его сердце – сердце незнакомого парня.

Но выходит иначе. Я забыла три вещи. Первое – что в книгах все не так, как в жизни. Второе – что на флирт у меня нет времени. А Зои это помнит. Она –

третье, о чем я забыла. И Зои берет дело в свои руки.

– Это моя подруга, – перекрикивая музыку, сообщает она Торчку. – Ее зовут Тесса. Она не прочь дунуть, если ты ей дашь.

Он улыбается, протягивает мне косяк, рассматривает нас обеих, задержав взгляд на длинных волосах Зои.

– Чистая трава, – шепчет Зои. Что бы это ни было, дым густой, и от него щиплет в горле. Я захожусь в кашле, у меня кружится голова. Я передаю косяк Зои, которая делает глубокую затяжку и возвращает его парню.

Теперь нас трое, мы вместе движемся в такт ударным, которые бьют нам в подошвы, отдаваясь в крови. На развешанных по стенам экранам мерцают калейдоскопические узоры. Косяк снова идет по кругу.

Не знаю, сколько проходит времени. Быть может, часы. Минуты. Я знаю только, что останавливаться нельзя, вот и все. Если я буду танцевать, темные углы зала не надвинутся на меня и тишина между треками не станет громче. Если я буду танцевать, то снова увижу корабли на море, поем мидий, услышу, как скрипит под ногами первый снег.

Зои протягивает мне новый косяк. «Ты рада, что пошла?» – одними губами спрашивает она.

Я останавливаюсь, чтобы вдохнуть, и по-дурацки застываю на месте, перестав двигаться. Мираж мгновенно рассеивается. Я бодрюсь, но на душе у меня кошки скребут. Зои, Торчок и все остальные далеки и фальшивы, как телепередача. Наверное, я уже никогда не стану одной из них.

– Сейчас вернусь, – сообщаю я Зои.

В тишине туалета я сижу на унитазе, уставившись на колени. Если еще чуть-чуть приподнять платье, я увижу живот. Он до сих пор в красных пятнах. И бедра тоже. Кожа сухая, как у ящерицы, сколько бы я ни мазалась кремом. На руках с внутренней стороны – следы от игл.

Пописав, я вытираюсь и поправляю платье. Выйдя из кабинки, замечаю Зою, которая ждет меня у сушилки. Я не слышала, как она вошла. Глаза ее темнее прежнего. Я медленно мою руки. Чувствую, что она смотрит на меня.

– У него есть приятель, – говорит Зою. – Он симпатичнее, но, если хочешь, бери Торчка: сегодня же твой вечер. Их зовут Скотт и Джейк. Сейчас мы поедем к ним.

Опершись на край раковины, я разглядываю свое лицо в зеркале. Глаза кажутся чужими.

– Джейком зовут одного из Твинисов[1 - Твинисы – персонажи популярных детских телепрограмм.], – замечаю я.

– Слушай, – раздражается Зою, – ты собираешься заняться сексом или нет?

Девушка у соседней раковины бросает на меня быстрый взгляд. Мне хочется объяснить ей, что я не такая, как она подумала. На самом деле я хорошая, и мы бы, наверное, с ней подружились. Но времени нет.

Зою вытаскивает меня из туалета и волочит за собой к бару.

– Вон они. Этот твой.

Парень, на которого она показывает, стоит, заложив большие пальцы за ремень. Он похож на задумчивого ковбоя. Он нас не видит, и я застываю на месте.

– Я не могу!

– Можешь! Живи быстро, умри молодым, оставь симпатичный трупик!

– Нет!

У меня горит лицо. Здесь нечем дышать. Где дверь, через которую мы пришли?

Зою хмурится:

– Ты сама просила тебя заставить! И что мне теперь делать?

– Ничего. Не надо тебе ничего делать.

– Хватит дурить!

Зои качает головой и пробирается через танцпол к выходу. Я спешу за ней и вижу, как она протягивает гардеробщику мой номерок.

– Что ты делаешь?

– Беру твоё пальто. Потом поймаю такси, и вали себе домой.

– Ты же не можешь ехать к ним одна!

– Увидишь.

Зои распахивает дверь и оглядывается. Очередь рассеялась, и на улице тихо; такси не видно. На тротуаре голуби клюют объедки из пакета, в каких кафе продают еду навынос.

– Ладно тебе, Зои. Я устала. Отвези меня домой. Ну пожалуйста.

Она пожимает плечами:

– Ты всегда устаешь.

– Сколько можно злиться?

– Сколько можно нудеть?

– Я не хочу ехать к каким-то незнакомым парням. Там же может случиться все что угодно.

– И хорошо. Иначе вообще ничего и никогда не случится.

Внезапно оробев, я переминаюсь с ноги на ногу.

– Я хочу, чтобы все прошло идеально. А если прыгну в постель с первым попавшимся парнем, кто я тогда буду? Шлюха?

Зои поворачивается ко мне. Ее глаза блестят.

– Нет. Просто это жизнь. Ты думаешь, сесть в такси и поехать домой к папочке – это лучше?

Я представляю, как ложусь в постель, дышу спертым воздухом своей комнаты, просыпаюсь утром, и все по-прежнему.

Зои снова улыбается.

– Поехали, – говорит она. – Вычеркнешь первый пункт из своего списка. Я же знаю, тебе этого хочется. – Ее улыбка заразительна. – Соглашайся, Тесса. Решайся!

– Хорошо.

– Ура!

Зои хватая меня за руку и ведет ко входу в клуб.

– Тогда напиши папе эсэмэску, что заночуешь у меня, и вперед.

Четыре

– Ты не любишь пиво? – спрашивает Джейк.

Он опирается на кухонную раковину; я стою рядом с ним. Очень близко. Нарочно.

– Я хочу чаю.

Он пожимает плечами, чокается бутылкой о мою кружку и, запрокинув голову, пьет. Я вижу, как двигается его кадык, когда он глотает, вижу маленький бледный шрамик у подбородка – след какой-то давней травмы. Джейк вытирает губы рукавом и замечает мой взгляд.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Ага. А ты?

– Да.

– Вот и хорошо.

Он улыбается мне. У него приятная улыбка. И это здорово. Будь он урод, все было бы гораздо сложнее.

Полчаса назад Джейк со своим приятелем Торчком, ухмыльнувшись друг другу, привели нас с Зои к себе домой. Эти ухмылки говорили, что ребята добились своего. Зои им сказала, чтобы не радовались раньше времени, но мы зашли в дом, и Торчок помог ей снять пальто. Зои смеялась его шуткам, брала косяки, которые он для нее скручивал, и в конце концов укурилась.

Мне было видно ее через дверь. Они включили музыку, какой-то мягкий джаз, выключили свет и танцевали, медленно и лениво кружась по ковру. В одной руке Зои держала косяк, другую засунула сзади за пояс штанов Торчка. Он обнимал ее обеими руками, и казалось, будто они держатся друг за друга.

Тут до меня доходит, что я пью чай на кухне, вместо того чтобы осуществлять свой план, и понимаю, что пора браться за дело. В конце концов, я сама эту кашу заварила.

Одним глотком я допиваю чай, ставлю кружку на сушилку и прижимаюсь к Джейку. Пальцы наших ног соприкасаются.

– Поцелуй меня, – прошу я, и, едва договорив, понимаю, до чего это смешно. Но Джейк, похоже, ничего не замечает. Он ставит пиво и наклоняется ко мне.

Мы целуемся очень нежно, едва соприкасаясь губами, ловим дыхание друг друга. Я всегда знала, что буду целоваться хорошо. Все статьи в журналах прочитала – ну, те, в которых объясняют, как сделать, чтобы не мешал нос, и про избыток слюны, и куда девать руки. Хотя, конечно, я и представить не могла, что буду чувствовать на самом деле: его щетина слегка царапает мой подбородок, он проводит языком по моим губам, засовывает его мне в рот.

Мы целуемся долго и все теснее прижимаемся, наклоняясь друг к другу. Так классно быть с кем-то, кто ничего обо мне не знает. Мои руки смело лезут ему под футболку, поглаживают спину, поясницу. Какой же он крепкий и здоровый.

Я открываю глаза, чтобы посмотреть, нравится ли Джейку, что я делаю, но мой взгляд привлекают окно за его спиной и утопающие во тьме деревья. Черные веточки барабанят по стеклу, точно пальцы. Я зажмуриваюсь и прижимаюсь к Джейку. Я чувствую через платье, как сильно он меня хочет. Он издает еле слышный глухой стон.

– Пойдем наверх, – просит он.

Джейк подталкивает меня к двери, но я отстраняюсь, упираюсь рукой ему в грудь и задумываюсь.

– Пойдем, – повторяет он. – Ты же хочешь, правда?

Я чувствую, как стучит его сердце под моими пальцами. Он улыбается мне. Я же хочу, верно? Разве не за этим приехала?

– Ладно.

Джейк переплетает свои пальцы с моими; ладонь у него горячая. Он ведет меня через гостиную к лестнице. Зои целуется с Торчком. Он прислонился спиной к стене, она просунула ногу меж его ног. Когда мы проходим мимо них, они, услышав наши шаги, оборачиваются. Вид у обоих восторженный и возбужденный. Зои показывает мне язык. Он блестит, как рыбка в норке.

Отпустив руку Джейка, я иду к дивану за сумочкой Зои. Я роюсь в сумке, спиной чувствуя их взгляды, ленивую усмешку на лице Торчка. Джейк ждет, прислонившись к дверному косяку. Интересно, он сделал знак Торчку, что все о'кей? Мне не видно. Я никак не могу найти презервативы, даже не знаю, как они выглядят, в чем они – в пакетике или в пачке. В замешательстве решаю забрать сумку с собой. Если Зои понадобятся презервативы, она поднимется и возьмет у меня.

– Пойдем, – говорю я.

Я иду за Джейком по лестнице, не сводя глаз с его бедер – для храбрости. Испытываю какое-то новое, незнакомое чувство; немного подташнивает и кружится голова. Не думала, что, поднимаясь по лестнице вслед за парнем, я вспомню о больничных коридорах. Наверное, просто устала. Я перебираю в уме, что нужно делать, когда тошнит: подышать свежим воздухом, открыть окно или, если есть силы, выйти на улицу. И постараться отвлечься – сделать что угодно, лишь бы не думать о тошноте.

– Сюда, – произносит Джейк.

Спальня у него самая обычная – маленькая комнатка, где стоит письменный стол, компьютер, стул, односпальная кровать, а на полу валяются книги. На стенах висит несколько черно-белых постеров – в основном фотографии джазовых музыкантов.

Он смотрит, как я оглядываю его комнату.

– Хочешь, поставь сумку на пол, – предлагает он.

Джейк срывает с постели грязное белье и швыряет на пол, расправляет одеяло, садится и пригласительно хлопает ладонью по кровати рядом с собой.

Я не двигаюсь. Я не сяду на кровать, пока он не выключит свет.

– Зажги свечу, – прошу я.

Джейк открывает ящик, достает спички и встает, чтобы зажечь стоящую на столе свечу. Он выключает верхний свет и опускается на кровать.

Вот сидит настоящий, живой парень, смотрит на меня, ждет меня. Теперь дело за мной, но я чувствую, как теснит в груди, как бьется сердце. Чтобы он не подумал, будто я полная идиотка, наверное, мне нужно притвориться кем-то еще. Я решаю стать Зои и начинаю расстегивать пуговицы платья.

Он следит, как я расстегиваю пуговицу за пуговицей. Облизывает губы. Три пуговицы.

Джейк поднимается с кровати и просит:

– Дай я.

Его пальцы действуют проворно. Он уже явно занимался сексом. С другой девушкой, в другой вечер. Интересно, где она сейчас. Четыре пуговицы, пять; красное платье сползает с плеч на бедра и, нежно скользнув по ногам, падает на пол. Я отхожу в сторону и встаю перед Джейком в одном лифчике и трусиках.

– Что это? – Он кивает на сморщенную кожу у меня на груди.

– Я болела.

– Чем?

Я закрываю ему рот поцелуями.

Голая, я пахну по-другому – мускусно,пряно, сексуально. От Джейка пахнет иначе – дымом и чем-то сладковатым. Наверное, жизнью.

– Ты не хочешь раздеться? – голосом Зои интересуюсь я.

Он поднимает руки и стягивает через голову футболку. На секунду его лицо скрывается из виду, но обнажается тело – узкая юная грудь в веснушках, блестящие темные волосы под мышками. Он бросает футболку на пол и снова целует меня. Он пытается не глядя расстегнуть ремень одной рукой, но у него

ничего не получается. Тогда он отстраняется и, не сводя с меня глаз, нащупывает пуговицу и молнию. Он снимает штаны и остается в одних трусах. Секунду он мнется в нерешительности – как будто стесняется. Я гляжу на его ноги в белых носочках – он выглядит невинно, словно младенец, – и мне хочется что-нибудь ему подарить.

– Я никогда раньше ни с кем не была, – признаюсь я. – Никогда не спала с парнем.

Со свечки капает воск.

Джейк молчит, потом потрясенно качает головой.

– Ух ты, ничего себе!

Я киваю.

– Иди ко мне.

Я прячу лицо у него на плече. Это успокаивает меня, и кажется, что все будет хорошо. Одной рукой Джейк обнимает меня, а другой гладит по спине, по шее. У него теплая ладонь. Два часа назад я даже не знала, как его зовут.

Может, нам не надо заниматься сексом. Мы просто полежим, обнявшись, под одеялом и заснем. Быть может, мы полюбим друг друга. Он найдет средство, которое меня вылечит, и я буду жить вечно.

Но это не так.

– У тебя есть презервативы? – шепчет он. – А то мои кончились.

Я беру сумку Зои и выворачиваю на пол у наших ног. Джейк находит презерватив, кладет его на тумбочку у кровати и снимает носки.

Не торопясь, я расстегиваю лифчик. Ни один парень никогда не видел меня голой. Джейк пожирает меня глазами и не знает, с чего начать. Я слышу, как колотится мое сердце. Джейк с трудом снимает штаны – у него эрекция. Я

стягиваю трусики и чувствую, что дрожу. Мы оба голые. Мне вспоминаются Адам и Ева.

– Все будет хорошо, – успокаивает Джейк, берет меня за руку, ведет к кровати, отбрасывает одеяло, и мы ложимся.

Это лодка. Берлога. Убежище.

– Тебе понравится, – обещает Джейк.

Мы не спеша начинаем целоваться; он медленно водит пальцами по моему телу. Мне нравится, как мы нежны друг с другом, как неторопливы наши движения в мерцании свечи. Но это длится недолго. Его поцелуи становятся настойчивее, язык мечется у меня во рту, словно хочет проникнуть глубже, но не может. Руки Джейка, не останавливаясь ни на минуту, сжимают и гладят меня. Наверное, он что-то ищет? Он повторяет: «Да, да», но, кажется, говорит не со мной. Глаза его закрыты; он прильнул губами к моей груди.

– Посмотри на меня, – прошу я, – мне нужно, чтобы ты на меня посмотрел.

Он приподнимается на локте.

– Что?

– Я не знаю, что делать.

– Все нормально. – Его глаза так потемнели, что я не узнаю этого человека. Как будто он превратился в кого-то другого и теперь даже не похож на того едва знакомого парня, который был со мной несколько минут назад. – Все в порядке.

И он снова приникает губами к моей шее, груди, животу, и вот уже мне не видно его лица.

Его руки тоже спускаются вниз, и я не знаю, как ему сказать, чтобы он прекратил. Я отодвигаюсь, но Джейк не перестает. Его пальцы копошатся между моих ног, и я задыхаюсь от смущения, потому что со мной ничего подобного не делали.

Что не так, почему я растерялась? Я-то думала, будто знаю, что делать и как это произойдет. Но у меня ничего не получается, и кажется, что Джейк заставляет меня, хотя я сама должна все уметь и направлять его.

Я прижимаюсь к нему, обвиваю руками поясницу и глажу по спине, словно он собака, которая непонятно чего от меня хочет.

Джейк отстраняется и садится на кровати.

– Тебе хорошо?

Я киваю.

Парень тянется к тумбочке, на которой оставил презерватив. Я смотрю, как он его надевает. Ловко, ничего не скажешь.

– Ну, давай?

Я снова киваю. Отказаться было бы оскорбительно.

Он ложится на кровать, раздвигает мои ноги своими, прижимается, наваливается на меня. Вот-вот я почувствую его член в себе и пойму, почему же все так любят секс. Этого-то я и хотела.

За те четыре минуты, что проходят, пока красные цифры 3:15 на его электронных часах не превращаются в 3:19, я успеваю подметить множество мелочей. Я вижу его ботинки, которые валяются у двери. Она закрыта неплотно. На потолке в дальнем углу лежит странная тень, похожая на лицо. Я вспоминаю потного толстяка, который однажды пробежал трусцой по нашей улице. Думаю о яблоках. Решаю, что прятаться лучше всего под кроватью или лицом в мамины колени.

Опираясь на руки, Джейк медленно двигается надо мной. Он зажмурился, отвернулся в сторону. Вот оно. Все по-настоящему. Прямо сейчас. Я занимаюсь сексом.

Когда все заканчивается, я лежу под ним, чувствуя себя растерянной, маленькой и слабой, и мне не хочется говорить. Какое-то время мы не двигаемся, потом он скатывается и всматривается в мое лицо в темноте.

– Что с тобой? – спрашивает он. – Что-то не так?

Я не могу взглянуть ему в лицо, поэтому придвигаюсь к Джейку, прижимаюсь, прячусь в его объятиях. Я понимаю, что веду себя как полная идиотка: хлюпаю носом, точно младенец, и не могу остановиться. Ужас. Он гладит меня по спине, шепчет мне на ухо «тсс» и потихоньку высвобождается из моих рук, так что теперь ему видно мое лицо.

– Что случилось? Ты же не будешь говорить, что тебе не хотелось?

Я вытираю глаза краешком одеяла. Сажусь на кровати, свесив ноги так, что они касаются ковра. Я сижу спиной к Джейку и, щурясь, пытаюсь разглядеть свою одежду. Она раскинулась по полу причудливой тенью.

В детстве папа частенько катал меня на плечах. Я была такая маленькая, что ему приходилось придерживать меня руками за спину, чтобы я не свалилась; я сидела так высоко, что могла достать ветки деревьев. Я никогда не расскажу об этом Джейку. Ему до этого нет дела. Мне кажется, люди не понимают, что им говорят. Их ничем не проймешь.

Я поспешно натягиваю одежду. Красное платье кажется меньше прежнего; я пытаюсь натянуть его на колени. Неужели я и правда отправилась в таком виде в клуб?

Я надеваю туфли, собираю мелочовку Зои с ковра в сумочку.

– Тебе не обязательно уходить, – произносит Джейк, привстав на локте. В мерцании свечи его грудь кажется бледной и слабой.

– Я так хочу.

Он откидывается на подушку. Его рука свисает с кровати; коснувшись пола, пальцы сжимаются. Джейк медленно качает головой.

Зои спит внизу на диване. Вместе с Торчком. Они лежат, обнявшись, голова к голове. Меня бесит, что Зои не видит в этом ничего особенного. На ней даже его рубашка. Ряды пуговиц наводят на мысли о сахарном домике из детской сказки. Я сажусь около них на корточки и тереблю Зои за руку. Она теплая. Я торможу ее, пока подруга не открывает глаза. Прищурившись, она смотрит на меня.

– Эй, – шепчет Зои, – ты уже все?

Я киваю и непонятно почему не могу сдержать ухмылки.

Зои высвобождается из объятий Торчка, садится и оглядывает пол.

– Там осталось хоть что-нибудь?

Я протягиваю ей жестянку с травкой, иду на кухню выпить воды. Я полагала, что Зои последует за мной, но она осталась в гостиной. Какие могут быть разговоры при Торчке? Я допиваю воду, ставлю стакан на сушилку и возвращаюсь в гостиную. Сажусь на пол у ног Зои, которая, лизнув папиросную бумагу, склеивает самокрутку и отрывает кончик.

– Ну и как оно? – интересуется Зои.

– Да так.

Меня ослепляет вспышка света сквозь занавески. Видно только, как блестят зубы Зои.

– Он тебе понравился?

Я думаю о Джейке, который лежит в комнате наверху; рука свесилась с кровати на пол.

– Сама не знаю.

Зои затягивается, бросает на меня любопытный взгляд, выдыхает дым.

– К этому надо привыкнуть. Мама как-то сказала, что секс – всего лишь три минуты удовольствия. Я подумала: и все? У меня будет не так! И я добилась своего. Если парню даешь понять, что тебе с ним просто офигенно, то все и вправду проходит хорошо.

Я встаю, иду к окну и раздергиваю занавески. Фонари еще горят. Рассветет явно не скоро.

– Ты просто ушла, оставив его наверху? – спрашивает Зои.

– Вроде того.

– Это не очень красиво. Вернись – и давайте еще разок.

– Не хочу.

– Ну, домой пока тоже нельзя. Я под кайфом.

Она тушит окурок в пепельнице, укладывается рядом со Скоттом и закрывает глаза. Я долго-долго сижу и смотрю на нее, наблюдаю, как при дыхании поднимается и опускается ее грудь. Гирлянда огней на стене бросает отблеск на ковер. Там же, на полу, лежит маленький овальный коврик в сизых морских разводах.

Я возвращаюсь на кухню и ставлю чайник. На столе лежит лист бумаги. На нем написано: «Сыр, масло, фасоль, хлеб». Сидя на табуретке, я добавляю: «Ирис с шоколадом, шесть шоколадных яиц». Больше всего мне хочется шоколадных яиц – обожаю их есть на Пасху. А до Пасхи еще двести семнадцать дней.

Наверное, нужно смотреть на вещи трезво. Я вычеркиваю шоколадные яйца и вписываю «Шоколадный Санта-Клаус с колокольчиком на шее в красной с золотом фольге». Это, пожалуй, я еще съем. До Рождества сто тринадцать дней.

Перевернув листок, я пишу: «Тесса Скотт». Славное имя в три слога, как любит повторять папа. Если мне удастся написать свое имя на бумажке больше пятидесяти раз, все будет хорошо. Я пишу мелкими-мелкими буквами, как если бы я была зубной феей и отвечала на детское письмо. Побаливает запястье.

Чайник свистит. На кухне клубится пар.

Пять

Иногда по воскресеньям папа отвозит нас с Кэлом в гости к маме. Мы поднимаемся на лифте на девятый этаж. Тут мама обычно открывает дверь, произносит «О, привет!» и оглядывает нас троих. Папа некоторое время топчется на лестнице, и они перебрасываются парой слов.

Но сегодня, едва мама открывает дверь, как папа разворачивается и идет к лифту – настолько ему не терпится от меня отделаться.

– Смотри за ней в оба, – говорит он, указывая на меня пальцем. – Ей нельзя доверять.

Мама смеется:

– Что же она такое натворила?

Кэла так и разбирает:

– Папа запретил ей идти в клуб.

– А, – протянула мама, – это так похоже на твоего отца.

– Но она все равно пошла. Только-только домой вернулась. Ее всю ночь не было.

Мама нежно улыбается мне:

– Ты познакомилась с парнем?

– Нет.

– Познакомилась, я же вижу. И как его зовут?

– Ни с кем я не познакомилась!

Папа в ярости.

– Это так на тебя похоже, – заявляет он. – Черт побери, в этом вся ты. Я так и знал, что от тебя помощи не дождешься.

– Да ладно тебе, – говорит мама. – Ведь ей от этого хуже не стало, разве нет?

– Ты посмотри на нее. Она едва стоит на ногах.

Все трое уставились на меня. Терпеть это не могу. Мне тоскливо, холодно, и живот болит. Ноет не переставая с тех пор, как мы с Джейком занимались сексом. Я не знала, что так будет.

– Вернусь в четыре, – бросает папа, входя в лифт. – Она почти две недели отказывается сдать анализ крови, так что позвони мне, если что-то изменится. Справишься?

– Да, конечно, не волнуйся. – Мама наклоняется и целует меня в лоб. – Я за ней присмотрю.

Мы с Кэлом садимся за стол на кухне, а мама ставит чайник, отыскивает среди стоящей в раковине посуды три чашки и ополаскивает их под краном. Достает из шкафчика пакетики с чаем, из холодильника – молоко, нюхает его, выкладывает на блюдо печенье.

Я тут же засовываю в рот бурбонскую печенинку. Очень вкусно. Дешевый шоколад – сахар моментально поступает в кровь, в мозг.

– Я вам рассказывала про своего первого парня? – спрашивает мама, поставив чай на стол. – Его звали Кевин, он работал в часовой мастерской. Мне безумно нравилось, как он сидел, такой сосредоточенный, со стеклышком на глазу.

Кэл берет еще одно печенье.

– Мам, а сколько всего у тебя было парней?

Она смеется, откидывает длинные волосы за плечо.

– Нескромный вопрос.

– А папа был лучше всех?

– Ах, ваш отец! – восклицает мама и театрально хватается за сердце, отчего Кэл покатывается со смеху.

Однажды я спросила у мамы, почему у них с папой не сложилось. Она ответила:

– Он самый трезвомыслящий человек, которого я когда-либо знала.

Когда она его бросила, мне было двенадцать. Какое-то время она присылала открытки из мест, о которых я никогда не слышала, – из Скегнесса, Гримсби, Халла. На одной из них была фотография гостиницы. «Здесь я теперь работаю, – писала мама. – Я помогаю кондитеру и очень поправилась!»

– Отлично, – заявил папа. – Пусть хоть лопнет.

Я развешивала открытки на стене своей комнаты – Карлайл, Мелроуз, Дорнох.

«Мы живем на ферме, как пастухи, – писала она. – Оказывается, хаггис[2 - Хаггис – шотландское блюдо: бараний рубец со специями, начиненный потрохами.] делают из бараньего горла, легких, сердца и печени!»

Я этого не знала, как не знала и того, кто эти «мы», но мне нравилось рассматривать открытки с пейзажами Северной Шотландии – высокое небо, расстилающееся над заливом.

Потом наступила зима, и мне поставили диагноз. Кажется, сперва мама не поверила, потому что вернулась не сразу. Когда она наконец постучала к нам в дверь, мне стукнуло тринадцать.

– Прекрасно выглядишь! – воскликнула она, едва я открыла дверь. – И почему твой отец вечно сгущает краски?

– Ты будешь жить с нами?

– Не совсем.

Она нашла себе эту квартиру.

С тех пор всегда одно и то же. Наверное, у мамы нет денег, а может, она боится, что я переутомлюсь, но все заканчивается тем, что мы садимся и смотрим телик или играем в какую-нибудь настольную игру. Сегодня Кэл выбрал «Игру в жизнь». Полная фигня, и я вечно проигрываю. В конце концов у меня оказался муж, двое детей и работа в туристическом агентстве. Я забыла застраховать дом и, когда налетел ураган, потеряла все сбережения. Зато Кэл стал поп-звездой и построил коттедж у моря, а мама – художницей, у которой куча денег и собственный замок. Я же рано вышла на пенсию (мне все время выпадало десять очков) и даже не стала пересчитывать остатки своих средств.

Потом Кэл решает показать маме новый фокус и уходит, чтобы взять в ее кошельке монетку. Пока мы ждем, я стаскиваю со спинки дивана одеяло, и мама укрывает мне колени.

– На той неделе мне надо в больницу, – сообщаю я. – Ты придешь?

– А разве папа не поедет?

– Вы оба можете поехать.

Она смутилась:

– А зачем тебе в больницу?

– У меня опять начались головные боли. Мне хотят сделать люмбальную пункцию.

Мама наклоняется и целует меня; я чувствую ее теплое дыхание на щеке.

– Все будет хорошо, не волнуйся. Я верю, что все будет хорошо.

Возвращается Кэл с фунтом.

– Дамы, следите за рукой, – произносит он.

Мне не хочется. Надоело смотреть, как исчезают предметы.

В маминей спальне я задираю футболку перед зеркалом на шкафу. Раньше я была страшная, как карлица. Кожа серая, а живот на ощупь словно тесто, вылезшее из кастрюли: палец тонул в рыхлых телесах. Все из-за стероидов. Преднизолон и дексаметазон в больших дозах. Оба лекарства – сущий яд, от них толстеешь, становишься уродливой и злобной.

Прекратив их принимать, я похудела. Теперь тазовые кости выпирают и ребра торчат. Я, словно призрак, постепенно покидаю свое тело.

Я сажусь на маминей кровати и звоню Зои.

– Что это вообще такое – секс? – спрашиваю я.

– Бедненькая, – жалеет меня Зои. – Тебе не понравилось, да?

– Просто я никак не пойму, отчего мне так неудобно.

– В каком смысле неудобно?

– Одиноко, и живот ноет.

– Ах да! – восклицает Зои. – Помню такое. Как будто тебя раскупорили?

– Вроде того.

– Это пройдет.

– А почему мне все время хочется плакать?

– Тесс, ты принимаешь все слишком близко к сердцу. Секс – лишь способ общения. Возможность расслабиться и почувствовать себя желанной.

По голосу кажется, будто Зои улыбается.

– Ты что, снова под кайфом?

– Нет!

– А где ты?

– Мне надо бежать. Скажи, что там у тебя дальше по списку, и мы все решим.

– Я передумала. Список – полная фигня.

– Да что ты, это так весело! Не стоит от него отказываться. Наконец в твоей жизни что-то происходит.

Повесив трубку, я мысленно считаю до пятидесяти семи. Потом набираю 999.

Женский голос отвечает:

– Служба спасения. Что у вас случилось?

Я молчу.

Женщина спрашивает:

– Произошел несчастный случай?

Я отвечаю:

– Нет.

– Не могли бы вы подтвердить, что все в порядке? – просит она. – Будьте добры, назовите ваш адрес.

Я называю мамин адрес. Подтверждаю, что все в порядке. Интересно, придет ли маме счет. Хорошо бы пришел.

Я звоню в справочную, узнаю телефон «Самаритян»[3 - Самаритяне – в Великобритании «телефон доверия» для людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.] и не спеша набираю номер.

– Алло, – отвечает мягкий женский голос с акцентом, пожалуй, ирландским. – Алло, – повторяет женщина.

Мне неловко тратить ее время, и я говорю:

– Жизнь – дерьмо.

Она негромко произносит «Угу», и это напоминает мне о папе. Полтора месяца назад он ответил так же, когда врач в больнице спросил, понимаем ли мы, о чем речь. Помню, я тогда подумала, что папа, наверное, ничего не понял, потому что все время плакал и не слушал.

– Я вас слушаю, – произносит женщина.

Мне хочется обо всем ей рассказать. Я прижимаю трубку к уху: чтобы говорить о важном, нужно стать ближе.

Но я не могу подобрать слов.

– Вы меня слышите? – спрашивает она.

– Нет, – отвечаю я и вешаю трубку.

Шесть

Папа берет меня за руку.

– Отдай боль мне, – говорит он.

Я лежу на краю больничной койки головой на подушке, подтянув колени к груди. Позвоночник вдоль края кровати.

В палате два врача и медсестра, но мне их не видно, потому что я лежу к ним спиной.

Одна из них на самом деле еще студентка, и она почти все время молчит. Наверное, наблюдает, как второй доктор отыскивает на моем позвоночнике место, куда будет колоть, и отмечает его ручкой. Он протирает мою кожу антисептическим раствором. Очень холодным. Начинает с места, куда войдет игла, и вокруг него, потом обкладывает мне спину салфетками и надевает стерильные перчатки.

– Мне понадобится игла двадцать пятого диаметра, – сообщает он студентке, – и пятикубовый шприц.

На стене за папиным плечом висит картина. Картины в больнице меняют часто; эту я раньше не видела. Я пристально всматриваюсь в нее. За последние четыре года я научилась отвлекаться от происходящего.

На картине изображено поле где-то в Англии; день клонится к вечеру, и солнце стоит низко. Мужчина налегает на тяжелый плуг. Порхают птицы.

Папа поворачивается на стуле, замечает, куда я гляжу, отпускает мою руку и встает, чтобы рассмотреть картину.

Внизу по полю бежит женщина. Одной рукой она придерживает юбку, чтобы ноги не путались в подоле.

– «Великая лондонская чума пришла в Эйам», – вслух читает папа. – Веселенькая картинка для больницы!

Доктор хмыкает.

– А вы знаете, – спрашивает он, – что до сих пор ежегодно регистрируется три тысячи случаев бубонной чумы?

– Я этого не знал, – отвечает папа.

– Слава богу, что есть антибиотики.

Папа садится и снова сжимает мою ладонь.

– Слава богу.

Бегущая женщина испугнула кур, и я только сейчас замечаю, что она с ужасом смотрит на мужчину.

В 1666 году случились чума, Большой лондонский пожар и война с Голландией. Я помню это со школы. Миллионы трупов свозили на телегах к ямам с известью, сваливали в общие безымянные могилы. Спустя триста сорок лет от тех, кто пережил чуму, не осталось и следа. Из того, что изображено на картине, есть только солнце. И земля. И от этой мысли мне тоскливо.

– Сейчас будет немного покалывать, – предупреждает врач.

Большим пальцем папа гладит меня по руке; по телу прокатываются волны статического тепла. В голове всплывает слово «вечность»: я думаю о том, что мертвых больше, чем живых, и нас окружают призраки. Мысль утешительная, но легче мне не становится.

– Сожми мою руку, – предлагает папа.

– Я не хочу делать тебе больно.

– Когда твоя мать тебя рожала, она четырнадцать часов держала меня за руку и, как видишь, пальцев не переломала. Ты не сделаешь мне больно, Тесса.

Ощущение такое, будто меня бьет током, будто моя спина застряла в тостере и доктор выковыривает ее оттуда тупым ножом.

– Как ты думаешь, какие у мамы на сегодня планы? – спрашиваю я. Голос звучит неестественно. Зажато. Напряженно.

– Понятия не имею.

– Я попросила ее приехать.

– Зачем? – удивляется папа.

– Чтобы вы потом вместе сходили в кафе.

Он хмурится:

– С чего это тебе вздумалось?

Я закрываю глаза и представляю, что я дерево, опаленное солнцем, и жду не дожусь дождя. Представляю, как серебристые струи воды омывают мои листья, поят корни, растекаются по стволу.

А тем временем врач перечисляет студентке статистику:

– В одном случае из тысячи в результате процедуры пациент получает незначительное повреждение нерва. Существует также вероятность инфекции, кровотечения, поражения хрящей. – Тут врач вынимает иглу. – Молодец, – хвалит он. – Все.

Мне кажется, что он вот-вот похлопает меня по крупу, как послушную лошадь. Но вместо этого врач показывает мне три пробирки:

– Это отнесете в лабораторию.

Он даже не прощается – бесшумно выскользывает из палаты. Студентка спешит за ним. Кажется, будто он внезапно засмутился, словно между нами

происходило что-то интимное.

Медсестра очень милая. Накрывая мою спину марлей, она болтает с нами, потом наклоняется ко мне и улыбается:

– Теперь нужно немного полежать.

– Я знаю.

– Уже были у нас? – Она поворачивается к отцу. – А вы чем займетесь?

– Посижу рядышком, почитаю.

Она кивает:

– Я тут рядом. Какие могут быть осложнения, знаете?

С видом знатока папа перечисляет:

– Озноб, лихорадка, ригидность затылка, головная боль. Обезвоживание, кровотечение, онемение или слабость ниже прокола.

– Все верно, – с одобрением произносит медсестра.

Когда она выходит из палаты, папа улыбается мне:

– Тесса, ты молодчина. Теперь все позади.

– Если только анализы не будут плохими.

– Не будут.

– Иначе мне придется делать люмбальную пункцию каждую неделю.

– Тсс! Постарайся заснуть, доченька. Время пройдет быстрее.

Папа берет книжку и устраивается на стуле. Сполохи света мелькают под веками, точно светлячки. Я слышу, как пульсирует кровь – будто копыта стучат о мостовую. За окном палаты сгущаются серые сумерки.

Папа переворачивает страницу.

На картине за его плечом из трубы дома поднимается невинный дымок и бежит женщина, в страхе обратив взгляд к небу.

Семь

– Вставай! Ну вставай же! – орет Кэл.

Я накрываюсь одеялом с головой, но Кэл его сдергивает.

– Папа сказал, что, если ты не встанешь прямо сейчас, он придет с мокрым полотенцем!

Я перекатываюсь на другой бок, отодвигаюсь от Кэла, но он обходит вокруг кровати и, ухмыляясь, сообщает:

– Папа говорит, что ты должна каждое утро вставать с постели и чем-нибудь себя занимать.

Я отбрыкиваюсь, натягиваю одеяло на голову.

– А мне наплевать! Катись из моей комнаты!

Странно, но, когда он наконец уходит, меня это совсем не задевает.

Комната наполняется звуками: до меня доносится топот ног по лестнице, звон посуды на кухне – Кэл не закрыл за собой дверь. Мне слышно, как льется молоко на хлопья, как падает ложка. Как папа ворчит, вытирая школьную рубашку Кэла. Как скребет по полу кошка.

Вот открывается шкаф в прихожей, и папа достает куртку Кэла. Я слышу, как он застегивает брату молнию и кнопку под подбородком, чтобы не продуло шею. Раздается поцелуй, потом вздох – дом заливают отчаяние.

– Иди попрощайся с сестрой, – говорит папа.

Кэл взбегает по лестнице, топчется за дверью, потом решается и подходит к кровати.

– Я надеюсь, что ты помрешь, пока я в школе! – шипит он. – В страшных муках! И тебя похоронят в какой-нибудь дыре – в рыбной лавке или у зубного врача!

Пока, братишка, думаю я. Пока-пока.

Отец в халате и тапках остается на неприбранной кухне; небритый, он трет глаза, как будто удивляясь, что остался один. За последние недели у него сложился свой утренний распорядок. Когда Кэл уходит, папа варит себе кофе, потом вытирает со стола, моет посуду и включает стиральную машину. На это требуется примерно двадцать минут. Потом он заходит ко мне и спрашивает, хорошо ли я спала, хочу ли есть и когда встану. Именно в этом порядке.

В ответ я говорю: «Нет, нет, никогда», и тогда он переодевается и идет вниз к компьютеру, за которым просиживает часами, выкапывая в Сети информацию, которая могла бы меня спасти. Я слышала, что существует пять стадий печали, и если это правда, то папа застрял на первой: отрицание.

Против обыкновения, сегодня он стучится ко мне рано, не выпив кофе, не прибрав на кухне. Что случилось? Когда он заходит, я лежу не шевелясь. Папа закрывает за собой дверь и сбрасывает тапки.

– Двигайся, – говорит он и поднимает край одеяла.

– Папа, ты что?

– Поваляюсь с тобой.

– Не надо!

Он обхватывает меня рукой, удерживая на месте. У него тяжелые кости. Носки трут мои голые ноги.

– Пап, слезай с моей кровати!

– Нетушки.

Я отталкиваю его руку, сажусь и смотрю на него. От папы несет застоявшимся табачным дымом и пивом; он выглядит старше, чем я его помню. Я слышу, как стучит его сердце, – хотя, по-моему, такого не может быть.

– Ты что, сдурел?

– Ты никогда ни о чем мне не рассказываешь.

– И ты решил, что так pomoжeшь делу?

Он пожимает плечами:

– Наверное.

– А тебе бы понравилось, если бы я залезла к тебе на кровать, когда ты спишь?

– В детстве ты так и делала. Ты говорила: это нечестно, что ты спишь одна. И мы с мамой каждую ночь пускали тебя к себе, потому что тебе было одиноко.

Я уверена, что это неправда, потому что ничего такого не помню. Видимо, папа рехнулся.

– Ладно, если ты не уйдешь, уйду я.

– На здоровье, – отвечает он. – Этого-то мне и надо.

– А ты останешься тут?

Папа усмехается и сворачивается калачиком под одеялом.

– Здесь уютно и тепло.

Я чувствую слабость в ногах. Вчера толком ничего не ела, и теперь мне кажется, будто я стала прозрачной. Схватившись за спинку кровати, ковыляю к окну и выглядываю на улицу. Еще рано; в бледно-сером небе тускнеет луна.

– Ты не общаешься с Зои, – произносит папа.

– Ага.

– Что случилось в тот вечер, когда вы пошли в клуб? Вы что, поссорились?

В саду на лужайке валяется оранжевый футбольный мяч Кэла, похожий на сдувшуюся планету. В соседнем саду снова появляется тот парень. Я прижимаю ладони к стеклу. Парень каждое утро там возится – копает, что-то сгребаёт граблями или просто бродит без дела. Сейчас он срезает с изгороди ветки ежевики и собирает в кучу, чтобы сжечь.

– Тесс, ты меня слышишь?

– Да, но я с тобой не разговариваю.

– Может, тебе стоит подумать о том, чтобы вернуться в школу? Пообщалась бы с друзьями.

Я оборачиваюсь и смериваю его взглядом.

– У меня нет друзей, и, что бы ты мне ни говорил, я не собираюсь их заводить. Мне не интересны зеваки, которым не терпится со мной познакомиться, чтобы на моих похоронах все их жалели.

Папа вздыхает, натягивает одеяло до подбородка и качает головой.

– Не говори так. Цинизм вреден.

– Ты это где-то прочитал?

– Оптимизм укрепляет иммунную систему.

– Значит, я сама виновата, что заболела?

– Ты же знаешь, что я так не думаю.

– Ты всегда так реагируешь, будто я все время веду себя неправильно.

Он рывком садится на постели.

– Вовсе нет!

– А вот и да. Как будто я неправильно умираю. Ты вечно приходишь в мою комнату и говоришь, что надо встать или собраться с силами. Теперь ты предлагаешь мне вернуться в школу. Это же бред!

Я топаю к кровати и надеваю его тапки. Они очень велики, но мне все равно. Папа смотрит на меня, опираясь на локоть. У него такой вид, будто я его ударила.

– Не уходи. Ты куда?

– Подальше от тебя.

Я с наслаждением хлопаю дверью. Пусть лежит в моей кровати. На здоровье. Пусть хоть сгниет там.

Восемь

Высунув голову из-за изгороди, я окликаю соседского парня: похоже, я застала его врасплох. Он старше, чем я думала, наверное, ему лет восемнадцать. У него

темные волосы и легкий пушок на щеках.

– Да?

– Можно я кое-что сожгу на твоём костре?

Он ковыляет ко мне по дорожке, вытирая лоб ладонью, словно взмок от жары. Под ногтями грязь, в волосах листья. Лицо серьезное.

Я приподнимаю и показываю ему две коробки из-под обуви. Платье Зои свисает с моего плеча, точно флаг.

– А что в них?

– В основном бумаги. Так можно?

Он пожимает плечами, будто ему все равно; тогда я прохожу в боковую калитку, перешагиваю через низкую стенку, которая разделяет наши участки, пересекаю его лужайку и иду к дому. Он уже там, придерживает передо мной калитку. Я мнусь, не решаясь войти.

– Меня зовут Тесса.

– Адам.

Мы молча идем по садовой дорожке. Наверняка он подумал, будто меня только что бросил парень, а в коробках любовные письма. Он, поди, решил: понятно, почему ее бросили – лысая, кожа да кости.

Костер еле теплится: листья и сучья тлеют, кое-где видны слабые языки пламени.

– Листья были сырые, – поясняет Адам. – С бумагой опять разгорится.

Я открываю коробку и переворачиваю в костер.

С тех пор, как я обнаружила на спине первый синяк, и до того дня, когда врачи официально признали меня безнадежной (это было два месяца назад), я вела дневник. Четыре года жалкого оптимизма горят весело – до чего же яркое пламя! Все открытки с пожеланиями выздоровления, которые я когда-либо получала, скукоживаются по краям и, треща, рассыпаются в прах. За четыре долгих года забываешь имена.

Одна из медсестер рисовала карикатуры на докторов и клала мне на тумбочку, чтобы меня рассмешить. Ее имени я тоже не помню. Кажется, Луиза? Рисовала она частенько. Трещит огонь, искры летят в листву.

– Я отвожу душу, – поясняю я Адаму.

Похоже, он меня не слушает. Он тащит по земле к костру куст ежевики.

То, что лежит во второй коробке, я ненавижу больше всего. Мы с папой не раз в ней рылись, разбрасывая фотографии по больничной койке.

– Ты поправишься, – уверял меня папа, водя пальцем по снимку: здесь мне одиннадцать лет, я перешла в среднюю школу, первый день учебы, и я смущаюсь в новой школьной форме. – А это в Испании, – продолжает он. – Помнишь?

Тощая, загорелая, я с надеждой смотрю в объектив. Тогда у меня была первая ремиссия. Какой-то мальчишка на пляже, увидев меня, присвистнул. Папа сфотографировал меня, сказав, что мне захочется на всю жизнь запомнить, как мальчишка впервые засвистел мне вслед.

Но мне хочется об этом забыть.

Внезапно на меня накатывает желание броситься в дом и принести другие вещи. Одежду, книги.

– Можно я приду, когда ты в следующий раз будешь жечь костер? – спрашиваю я парня.

Наступив на ветку, Адам ломает ее и бросает в костер.

– А почему ты решила все сжечь? – интересуется он.

Я сжимаю платье Зои в комок: оно умещается в кулаке. Я швыряю его в костер, и кажется, будто оно вспыхивает, не долетев до огня. Оно словно зависает в воздухе, переплавившись в пластик.

– Опасное платье, – замечает Адам и упирается в меня взглядом, как будто что-то знает.

Материя состоит из частиц. Чем тверже, крепче, прочнее тело, тем меньше расстояние между частицами. Люди крепки, но внутри у них жидкость. Мне кажется, что если стоять очень близко к огню, то частицы, составляющие тело, изменятся: неожиданно я чувствую странную легкость и головокружение. И толком не понимаю, почему – может, слишком мало ем, – но у меня такое ощущение, будто я вылетаю из тела. Сад внезапно заливают свет.

Как искры от костра, опускающиеся мне на волосы и одежду, все падающие тела согласно закону всемирного тяготения непременно оказываются на земле.

Я с удивлением обнаруживаю, что лежу на траве и смотрю вверх, на бледное лицо Адама в нимбе облаков. Я стараюсь собраться с мыслями.

– Не двигайся, – говорит Адам. – Кажется, у тебя был обморок.

Я пытаюсь заговорить, но язык еле ворочается, и я лежу молча.

– У тебя диабет? Тебе нужно сладкое? Если хочешь, у меня есть банка колы.

Он садится рядом, ждет, пока я приподнимусь, и протягивает мне колу. Сахар попадает в кровь, и у меня шумит в голове. Я очень слаба, почти бесплотна, но мне гораздо лучше, чем раньше. Мы с Адамом смотрим на огонь. Вещи из коробок сгорели дотла, а от самих коробок остались лишь обгоревшие куски картона. Платье словно растворилось в воздухе. Угли еще не остыли, их тусклый свет притягивает мотылька, и глупая букашка летит на огонь. Ее крылышки с треском вспыхивают и обращаются в прах. Мы не сводим глаз с того места, где только что порхал мотылек.

– Ты часто работаешь в саду? – спрашиваю я Адама.

– Мне это нравится.

– Я за тобой наблюдаю. Смотрю в окно, как ты копаешь, и все такое прочее.

– Правда? Но зачем? – изумляется Адам.

– Мне нравится на тебя смотреть.

Он хмурится, как будто раздумывая над моими словами, хочет что-то сказать, но отворачивается и оглядывает сад.

– В том углу я хочу устроить грядку, – сообщает он. – Горох, капуста, салат, фасоль и так далее. Это все больше для мамы, чем для меня.

– Почему?

Он пожимает плечами, переводит взгляд на дом, как будто от упоминания о ней его мать подойдет к окну.

– Она любит сад.

– А твой папа?

– Мы живем вдвоем с мамой.

Я вижу на тыльной стороне его ладони кровь. Адам замечает мой взгляд и вытирает руку о джинсы.

– Ладно, мне надо работать, – говорит он. – Как ты себя чувствуешь? Если хочешь, допивай колу.

Я медленно бреду по дорожке, и Адам идет рядом со мной. Я так рада, что сожгла фотографии и дневники, что платье Зои сгорело. Кажется, будто теперь все будет иначе.

У калитки я поворачиваюсь к Адаму.

– Спасибо за помощь, – благодарю я.

– Всегда пожалуйста, – отвечает он.

Адам стоит, засунув руки в карманы. Он улыбается, потом отводит глаза и утыкается взглядом в ботинки. Но я знаю, что он меня видит.

Девять

– Не знаю, почему вас послали сюда, – говорит регистратор.

– Нам назначено, – сообщает ей папа. – Мне звонила секретарша доктора Райана и просила прийти.

– Не сюда и не сейчас, – возражает регистратор.

– Именно сюда и сейчас, – настаивает отец.

Регистратор фыркает, лезет в компьютер и просматривает страницу.

– Вы на люмбальную пункцию?

– Нет, – раздражается папа. – Доктор Райан вообще сегодня в больнице?

Я сижу в приемной и слушаю, как они препираются. Рядом, как обычно, кучкуются пациенты. Собравшаяся в углу компания в шапках обсуждает понос и рвоту; все собеседники подключены к переносным насосам для химиотерапии. Какой-то мальчишка вцепился в мамину руку; слабенькие новые волоски на его голове одной длины с моими. Девушка без бровей делает вид, будто читает книгу. Брови у нее нарисованы поверх очков. Она замечает мой взгляд и улыбается, но я не реагирую – взяла за правило не общаться с умирающими.

Добром это не кончится. Как-то я подружилась с одной девочкой. Ее звали Анжела. Мы каждый день переписывались по электронной почте, а потом она вдруг замолчала. Наконец ее мама позвонила моему папе и сообщила, что Анжела умерла. Вот так. А я даже ничего не знала. И тогда я решила, что больше не буду общаться ни с кем из больных.

Я беру журнал, но не успеваю даже открыть его, как папа хлопает меня по плечу.

– Наша взяла! – говорит он.

– Ты о чем?

– Мы были правы, а она – нет. – Папа весело указывает на регистратора и помогает мне подняться. – Эта дурища ничего не понимает. А теперь, вероятно, нас проводят к самому светилу!

У доктора Райана подбородок испачкан в чем-то красном. Мы сидим за столом напротив него, и я не могу отвести взгляд от этого пятнышка. Гадаю, что это – соус к спагетти или суп? Или доктор только что с операции? Может, это сырое мясо?

– Спасибо, что пришли, – произносит он и потирает колени.

Папа придвигает ко мне стул и прижимается коленом к моей ноге. Я судорожно сглатываю, борясь с желанием вскочить и убежать. Если не буду слушать, то не узнаю, что скажет врач, и тогда, может, это не сбудется.

Но доктор Райан говорит не раздумывая:

– Тесса, боюсь, у меня плохие новости. Последняя люмбальная пункция показала, что рак проник в спинномозговую жидкость.

– Это плохо? – в шутку спрашиваю я.

Но доктор не смеется.

– Очень плохо. Это означает, что поражена центральная нервная система. Я знаю, это трудно принять, но события развиваются быстрее, чем мы полагали.

Я сверлю его взглядом.

– События?

Он ерзает на стуле.

– Тесса, у тебя наступило ухудшение.

За его столом большое окно, и в него мне видно верхушки двух деревьев. Я вижу ветки, увядающие листья и кусочек неба.

– И насколько плохи мои дела?

– Зависит от того, как ты себя чувствуешь. Упадок сил, тошнота? Ноги болят?

– Немного.

– Решать, конечно, тебе, но я бы посоветовал делать все, что тебе заблагорассудится.

На столе у доктора снимки, подтверждающие его правоту, и он передает их нам, будто фотографии из отпуска, указывает на темные пятна, очаги повреждения, свободно циркулирующие бласты. Словно меня разрисовал изнутри черной краской маленький непоседа, оставленный без присмотра.

Папа изо всех сил старается не заплакать, но у него ничего не получается.

– И что теперь? – спрашивает он, и из его глаз на колени тихо каплют крупные слезы. Доктор протягивает ему платок.

По окну стекают капли первого за день дождя. Подхваченный порывом ветра, лист падает, сверкая золотом и медью.

Доктор говорит:

– Тессе может помочь интенсивная интратекальная терапия. Я назначу месячный курс метотрексата и гидрокортизона. Если все пойдет успешно, состояние Тессы улучшится, и мы продолжим поддерживающую терапию.

Доктор говорит и говорит, папа слушает его, но я ничего не слышу.

Это действительно случится. Меня предупреждали, но все идет быстрее, чем можно было предположить. Я правда не вернусь в школу. Никогда. Я никогда не стану знаменитой и не оставлю после себя ничего полезного. Я никогда не поступлю в колледж, не найду работу. Не увижу, как вырастет брат. Не буду путешествовать, зарабатывать деньги, никогда не сяду за руль, не влюблюсь, не уйду из дома, да и собственного дома у меня не будет.

Это все правда.

Мысль оглушает, охватывает все тело от кончиков пальцев ног, пронзает меня, затмевает все прочие мысли, и я не могу больше думать ни о чем другом. Она переполняет меня, словно беззвучный крик. Я так долго была больна – опухшая, слабая, с покрытой пятнами кожей, слоящимися ногтями, выпадающими волосами и выворачивающей до костей тошнотой. Это несправедливо. Я не хочу умирать вот так, толком не пожив. Я понимаю это с ослепительной ясностью. В сердце даже шевелится надежда – бред. Пока я не умерла, я хочу жить. Все остальное не имеет смысла.

Тут я прихожу в себя.

Доктор распинается об испытаниях лекарств: меня они не спасут, но могут помочь другим. Папа молча плачет, а я таращусь в окно и недоумеваю, почему так быстро темнеет. Сколько же прошло времени? Сколько мы тут сидим? Я смотрю на часы: половина четвертого, день клонится к закату. Октябрь. Детвора с новыми пеналами и рюкзаками, у которой только-только начались занятия, ждет не дождется каникул. Как быстро летит время. Скоро Хеллоуин, потом ночь фейерверков. Рождество. Весна. Пасха. В мае мой день рождения. Мне будет семнадцать.

Сколько я еще протяну? Неизвестно. Я знаю только, что выход у меня один: либо валяться под одеялом и умирать, либо снова взяться за список и жить.

Десять

– Надо же, ты встала! – восклицает папа, замечает, что я надела мини-платье, и поджимает губы. – Дай-ка я угадаю. Ты встречаешься с Зои?

– А что, нельзя?

Он пододвигает мне через стол витамины:

– Не забудь принять.

Обычно папа приносит мне их на подносе, но сегодня ему не придется возиться. Казалось бы, радоваться должен, но нет – сидит и следит, как я глотаю пилюлю за пилюлей. Витамин Е помогает организму справиться с анемией. Витамин А нейтрализует воздействие облучения на кишечник. Вяз ржавый восстанавливает слизистую оболочку, которая выстилает внутренности. Кремний укрепляет кости. Калий, железо и медь стимулируют иммунную систему. Алоэ вера полезно для здоровья в целом. А чеснок – ну, папа где-то прочитал, что достоинства чеснока еще до конца не исследованы. Он называет его «витамин Икс». Все это я запиваю свежавыжатым апельсиновым соком с ложкой неочищенного меда. Ням-ням.

Улыбнувшись, я отодвигаю поднос. Папа ставит его в раковину.

– Мне казалось, вчера тебя тошнило и болели ноги, – говорит он, открывая кран и ополаскивая чашку.

– Сегодня все в порядке. Ничего не болит.

– Может, тебе лучше отлежаться?

Это скользкая тема, и я быстренько перевожу разговор, переключив внимание на Кэла, который ковыряется ложкой в куче размокших кукурузных хлопьев. Вид у него такой же мрачный, как у папы.

– Что с тобой? – спрашиваю я.

– Ничего.

– Сегодня суббота! Ты разве не рад?

Кэл злобно смотрит на меня:

– Ты все забыла?

– Что забыла?

– Ты обещала на каникулах сводить меня по магазинам! Ты сказала, что возьмешь кредитку. – Он зажмуривается. – Я так и знал, что ты все забудешь!

– Успокойся! – предупреждает его папа суровым голосом, как всегда, когда Кэл начинает капризничать.

– Кэл, я все помню, но я же не обещала, что мы пойдем сегодня.

Он бросает на меня свирепый взгляд:

– А я хочу сегодня!

Значит, делать нечего: таковы правила. Второй номер из моего списка прост. Один-единственный день я должна со всем соглашаться. Что бы это ни было и кто бы ни попросил.

Когда мы выходим из калитки, я заглядываю в светящееся надеждой лицо Кэла, и меня внезапно пробирает страх.

– Я напишу Зои и скажу, что мы идем, – говорю я Кэлу.

Он сообщает, что терпеть не может Зои, и это плохо, потому что она мне нужна. Ее напор. То, что при ней всегда происходит что-то интересное.

– Я хочу на детскую площадку, – заявляет Кэл.

– Ты ведь уже большой мальчик.

– Ну и что? Там весело.

Я часто забываю, что Кэл еще ребенок, что он по-прежнему любит качели с каруселями и все такое. Ладно, в этом нет ничего дурного, и Зои пишет в ответ, что все в порядке, она все равно опоздает, так что встретимся в парке.

Я сажусь на скамейку и смотрю, как Кэл лезет по паутине из канатов. Наверху его еле видно.

– Я хочу выше! – вопит он. – Можно я залезу наверх?

– Давай, – кричу я в ответ, потому что поклялась себе со всем соглашаться, – таковы правила.

– Я вижу самолетики изнутри! – орет Кэл. – Лезь сюда!

В коротком платье карабкаться трудновато. Паутина качается; туфли приходится сбросить. Кэл надо мной хохочет.

– Наверх! – командует он.

Черт, это и правда высоко, а внизу канаты трясет какой-то пацан с мордой шире автобуса. Я подтягиваюсь, не обращая внимания на боль в руках. Я тоже хочу увидеть самолетики изнутри. Я хочу смотреть на ветер и ловить руками птиц.

Наконец я наверху. Мне видно крышу церкви, верхушки деревьев в парке и каштаны, которые вот-вот полопаются. Воздух чист, и облака проплывают близко, как будто я на какой-нибудь невысокой горе. Я гляжу вниз: люди, задрав головы, смотрят на нас.

– Высоко, правда? – говорит Кэл.

– Да.

– Теперь пошли на качели?

– Да.

Я согласна на все, что бы ты ни предложил, Кэл, но сперва мне хочется почувствовать, как в лицо дует ветер. Я хочу увидеть траекторию, по которой Земля медленно вращается вокруг Солнца.

– Я же говорил, тут весело. – Кэл сияет от радости. – Давай покатаемся на всем!

У качелей очередь, и мы идем качаться на доске. Я по-прежнему тяжелее Кэла, я все еще его старшая сестра. Я с силой отталкиваю ногами от земли, так что братишка подлетает высоко и визжит от смеха, жестко приземлившись на задницу. У него будут синяки, но ему все равно. Соглашайся, просто соглашайся.

Мы лазим по всей площадке, с трудом протискиваемся в домик наверху лесенки в песочнице. Залезаем на мотоцикл на огромной пружине. Когда я взбираюсь на него, мотоцикл сильно заваливается набок, и я обдираю колено о землю. Мы изображаем гимнастов на деревянном бревне, проходим по азбуке-змейке, прыгаем в классики, карабкаемся по лестницам. Потом возвращаемся на качели, я быстренько сажаю Кэла на свободные, и все мамы, вытирающие носовыми платками пухлые щеки своих малышей, дружно на меня шипят. Мое платье задирается, обнажая бедра. Я смеюсь, откидываюсь назад и раскачиваюсь сильнее. Быть может, если я раскачусь высоко-высоко, мир станет иным.

Я не заметила, как подошла Зои. Когда Кэл показывает мне на нее, она наблюдает за нами, прислонившись к воротам площадки. Наверное, она стоит там целую вечность. На ней топик и юбка, едва прикрывающая задницу.

– Доброе утро, – здоровается она, когда мы подходим ближе. – Я смотрю, вы начали без меня.

Я заливаюсь румянцем.

– Кэл попросил, чтобы мы покачались на качелях.

– И ты, конечно, согласилась.

– Да.

Зои задумчиво смотрит на Кэла.

– Мы идем на рынок, – сообщает она. – Купим кое-что, поболтаем о своем, о девичьем, тебе с нами будет скучно.

Он поднимает испачканное грязью лицо и сердито глядит на Зои:

– Я хочу в магазин для фокусников.

– Вот и хорошо. Иди. Пока-пока.

– Он поедет с нами, – сообщаю я Зои. – Я ему обещала.

Она вздыхает и отходит. Мы с Кэлом следуем за ней.

В школе только Зои не испугалась моей болезни. Она и до сих пор – единственная из всех, кого я знаю, – ходит по городу с таким видом, будто на улице не могут ограбить, пырнуть ножом, будто автобусы никогда не выезжают на тротуар и никто ничем не болеет. Когда я с ней, мне кажется, что врачи напутали, умираю не я, а кто-то другой и все это лишь недоразумение.

– Давайте быстрее, – бросает она через плечо. – Тесса, шевели ногами!

Платье слишком короткое. Стоит мне вздрогнуть или нагнуться, как оно задирается. Машина гудит. Несколько парней пристально таращатся на мою грудь и задницу.

– Почему ты ее слушаешься? – спрашивает Кэл.

– Просто слушаюсь, и все.

Зои сияет. Она ждет, пока мы ее нагоним, и берет меня под руку.

– Я тебя прощаю, – заявляет она.

– За что?

Она с заговорщицким видом наклоняется ко мне:

– За то, что ты прожужжала мне все уши про свой облом с сексом.

– Не было такого!

– Было, было. Ладно, я не сержусь.

– Больше двух – говорят вслух! – вмешивается Кэл.

Зои подталкивает его вперед и притягивает меня ближе.

– Итак, – начинает она, – как далеко ты готова зайти? Если я тебе скажу, ты сделаешь татуировку?

– Да.

– Попробуешь наркотики?

– С удовольствием.

– Признаешься вон тому дядьке в любви?

Она указывает на лысого прохожего старше моего папы. Мужчина вышел из газетного киоска, сорвал целлофан с пачки сигарет и бросил его на землю.

– Да.

– Вперед.

Мужчина выбивает из пачки сигарету, прикуривает и выдыхает дым. Я подхожу к нему; он с улыбкой поворачивается – наверное, думает, что это кто-то знакомый.

– Я вас люблю, – произношу я.

Он хмурится, потом замечает хихикающую Зою.

– Проваливай, – рычит он. – Идиотка.

Умора. Мы с Зой вцепляемся друг в друга и хохочем до слез. Кэл строит раздраженную гримасу.

– Пошли уже, – говорит он.

На рынке кипит жизнь. Люди толкаются, как будто случилось что-то из ряда вон выходящее; все куда-то спешат. Мимо меня протискиваются толстые старухи с корзинами для покупок; родители с колясками перегораживают проход. Смеркается; я стою посреди толчеи, словно во сне, и мне кажется, что я не двигаюсь, ноги мои как из свинца и прилипают к земле. Мимо с отсутствующим видом шагают парни в свитерах с поднятыми капюшонами. Бродят девчонки, вместе с которыми я когда-то училась. Сейчас они меня не узнают – я сто лет не была в школе. В воздухе висит запах хот-догов, бургеров и лука. Чего тут только нет: подвешенные за ноги вареные куры, лотки с рыбой и требухой, куски свиных туш с торчащими ребрами. Ткани, шерсть, кружева и занавески. В ларьке с игрушками тявкают и кувыркаются собачки, заводные солдатики бьют в тарелки. Продавец улыбается мне и показывает на огромную пластмассовую куклу, молча сидящую в целлофановой упаковке:

– Всего десятка.

Я отворачиваюсь, сделав вид, что не слышу.

Зои сверлит меня взглядом:

– Ты же вроде должна на все соглашаться. В следующий раз купишь, что бы тебе ни предлагали. Договорились?

– Да.

– Вот и хорошо. Я сейчас вернусь.

И она скрывается в толпе.

Мне жаль, что Зои ушла. Она мне нужна. Если она не вернется, мне нечего будет вспомнить об этом дне, кроме прогулки по детской площадке и восхищенного свиста вслед по дороге на рынок.

– Как ты себя чувствуешь? – интересуется Кэл.

– Нормально.

– По тебе не скажешь.

– Я в порядке.

– Мне скучно.

А вот это уже опасно, потому что, если Кэл захочет вернуться домой, мне придется согласиться.

– Зои сейчас вернется. Мы прокатимся по городу на автобусе. Сходим в магазин для фокусников.

Кэл пожимает плечами и засовывает руки в карманы.

– Она не захочет.

– Посмотри пока игрушки.

– Там одна фигня.

Неужели? В детстве папа приводил меня сюда, и я рассматривала игрушки. Они казались мне волшебными.

Зои возвращается не в духе.

– Скотт – лживый ублюдок, – выпаливает она.

– Кто-кто?

– Скотт. Он говорил, что сегодня работает, но его нет на месте.

– Торчок? И когда он это тебе сказал?

Зои смотрит на меня как на полную идиотку и отходит. Она направляется к продавцу фруктового ларька и наклоняется над коробками с бананами, чтобы с ним поболтать. Он пялится на ее грудь.

Ко мне подходит какая-то женщина. В руках у нее несколько пакетов. Она смотрит на меня в упор, и я не отвожу взгляда.

– Десять свиных отбивных, три пачки копченого бекона и вареная курица, – шепчет она. – Будете брать?

– Да.

Она передает мне пакет и, пока я достаю деньги, запускает палец в свой шелушащийся нос. Я протягиваю ей пять фунтов; порывшись в кармане, она дает мне два фунта сдачи.

– Почти даром, – говорит она.

Когда она отходит, Кэл встревоженно смотрит на меня.

– Зачем ты это купила?

– Заткнись, – обрываю я, потому что нигде в правилах не сказано, что я должна радоваться всему, на что соглашаюсь. У меня осталось всего двенадцать фунтов, и я прикидываю, можно ли изменить правила и соглашаться только на то, что бесплатно. Из пакета мне на ноги капает кровь. Я раздумываю, нужно ли оставлять себе все, что купила.

Возвращается Зои, замечает пакет и забирает его у меня.

– Что там такое? – Она заглядывает внутрь. – Похоже на куски дохлой псины! – Она выбрасывает пакет в урну и с улыбкой поворачивается ко мне. – Я нашла Скотта. Он оказался на месте. И Джейк с ним. Пошли.

Мы пробираемся сквозь толпу, и Зои, не глядя на меня, признается, что после того вечера, как мы приехали к ним домой, она несколько раз встречалась со Скоттом.

– Так почему же ты раньше молчала?

– Ты целый месяц не объявлялась! К тому же я думала, что ты рассердишься.

Так непривычно увидеть ребят при свете дня в ларьке с фонариками, тостерами, часами и чайниками. Оба кажутся старше, чем я запомнила.

Зои заходит за прилавок поболтать со Скоттом. Джейк кивает мне.

– Как дела? – спрашивает он.

– Нормально.

– Пришла за покупками?

Сейчас он выглядит иначе – потный, немного смущенный. Сзади подходит какая-то женщина, и нам с Кэлом приходится посторониться, чтобы пропустить ее к прилавку. Женщина покупает четыре батарейки. Они стоят фунт. Джейк кладет их в пакетик и берет деньги. Женщина уходит.

– Тебе нужны батарейки? – спрашивает Джейк, не глядя на меня. – Бесплатно.

Он так это говорит, будто делает мне огромное одолжение, будто ему меня жаль и хочется показать, что он хороший парень: тут я понимаю, что он все знает. Зои проболталась. В его взгляде я читаю жалость и осознание вины. Он переспал с умирающей девицей и теперь боится. Вдруг я заразна? Моя болезнь тронула его за плечо. А что, если она затаилась и ждет, чтобы его сразить?

– Так что, нужны? – Он берет с прилавка упаковку батареек и показывает мне.

– Да, – выдавливаю я, стараясь скрыть досаду, беру его дурацкие батарейки и прячу в сумку.

Кэл пихает меня локтем в бок:

– Ну, пошли, что ли?

– Да.

Зои обнимает Скотта за талию.

– Нет! – протестует она. – Мы едем к ним. Через полчаса у них перерыв на обед.

– Мы с Кэлом идем гулять по городу.

Зои с улыбкой подходит ко мне. Она выглядит очень сексуально – наверное, Скотт ее тискал.

– Ты же вроде собиралась со всем соглашаться?

– Кэл первый попросил.

Она хмурится:

– У парней есть кетамин. Я обо всем договорилась. Хочешь, возьми с собой Кэла. Мы придумаем, чем его занять, – может, у них найдется игровая приставка.

– Ты рассказала Джейку.

– Что рассказала?

– Про меня.

– Нет.

Она краснеет, бросает окурок на землю и затаптывает, лишь бы не смотреть на меня.

Могу представить, как это случилось. Она приехала к парням, они забили на троих косяк, Зои дунула первой, глубоко затянулась, а они на нее смотрели. Потом подсела к Скотту и спросила:

– Помните Тессу?

И все им рассказала. Может, даже расплакалась. И Скотт наверняка ее обнял. А Джейк схватил косяк и затянулся глубоко-глубоко, чтобы ни о чем не думать.

Я беру Кэла за руку и увожу. Прочь от Зои, прочь с рынка. Я тащу его за собой по ступенькам за ларьками, по дорожке вдоль канала.

– Куда мы идем? – хнычет он.

– Заткнись.

– Я боюсь.

Я смериваю его взглядом. Мне плевать.

Иногда мне снится, что я брожу по дому, слоняюсь по комнатам, и никто из родных меня не узнает. На лестнице я встречаю папу, и он вежливо мне кивает, как будто я домработница или мы постояльцы в гостинице. Кэл с подозрением таращится на меня, когда я захожу в свою комнату. Все мои вещи куда-то подевались; вместо меня тут живет какая-то другая девушка в платье в

цветочек; у нее сочные губы и щеки, как наливные яблочки. Я понимаю, что это моя параллельная жизнь. Та, в которой я здорова, а Джейк рад, что познакомился со мной.

Наяву же я тащу брата по дорожке к кафе на берегу канала.

– Тебе понравится, – поясняю я ему, – мы поедим мороженого, выпьем горячего шоколада и колы.

– Тебе нельзя сахар. Я все папе расскажу.

Я крепче сжимаю его руку. На дорожке к кафе стоит мужчина в пижаме и смотрит на воду. Во рту у него тлеет сигарета.

– Я хочу домой, – ноет Кэл.

Но мне не терпится показать ему спящих по дорожке крыс, яркие листья, облетающие с деревьев, то, как люди чураются трудностей, и объяснить, что этот мужчина в пижаме честнее и проще торопливо семенящей вслед за нами Зои с ее большим ртом и дурацкими белокурыми локонами.

– Иди отсюда, – не оборачиваясь, бросаю я ей.

Она хватается меня за руку.

– Почему ты вечно делаешь из мухи слона?

Я отпихиваю ее.

– Не знаю. А ты как думаешь?

– Это же никакой не секрет! Уйма людей знает, что ты больна. Джейку все равно, но теперь он считает, что у тебя крыша поехала.

– Так и есть.

Прищурившись, она смеривает меня взглядом.

– Знаешь, я думаю, тебе нравится, что ты больна.

– Ты уверена?

– Ты не можешь быть как все.

– Ты права, так оно и есть. Какая ты умная! Хочешь, поменяемся?

– Мы все умрем, – произносит Зои так, словно это только что пришло ей в голову и она ничего не имеет против такой перспективы.

Кэл тянет меня за рукав.

– Смотри, – показывает он.

Мужчина в пижаме вошел в воду. Он плещется на мелководье и хлопает руками по воде. Купальщик равнодушно смотрит на нас и улыбается, сверкая золотыми зубами. У меня по спине пробегает холодок.

– Эй, красавицы, не хотите окунуться? – кричит он с шотландским акцентом. Я никогда не была в Шотландии.

– Давай залезай, – подначивает Зои. – Чего же ты?

– Ты мне приказываешь?

– Да, – отвечает она со злобной усмешкой.

Я оглядываю столики у кафе. Люди смотрят в нашу сторону. Они подумают, что я наркоманка, ненормальная, что по мне психбольница плачет. Я заправляю платье в трусы.

– Что ты делаешь? – шипит Кэл. – На тебя все смотрят!

– А ты притворись, что ты не со мной.

– Я так и сделаю!

Я снимаю туфли; Кэл упрямо садится на траву.

Большим пальцем ноги я пробую воду. Она такая холодная, что нога тут же коченеет.

Зои трогает меня за руку.

– Тесса, не надо. Я пошутила. Не глупи.

Она что, вообще ничего не понимает?

Я захожу в воду выше колен; от меня с кряканьем шарахаются утки. В канале неглубоко, вода мутная. Наверное, на дне полно всякого мусора. В этой воде плавают крысы. Люди швыряют в канал консервные банки, тележки для покупок, шприцы идохлых собак. Жидкая грязь хлюпает под ногами.

Золотозубый машет рукой, смеется и бредет ко мне, хлопая себя по бокам.

– Молодец! – говорит он.

Между его синих губ блестят золотые зубы. На голове глубокая рана, и по лбу на глаза сочится кровь. От этого я коченею еще больше.

Из кафе выходит мужчина и кричит, размахивая посудным полотенцем:

– Эй, вылезайте оттуда!

На нем фартук; трясая животом, мужчина наклоняется, чтобы помочь мне выйти из воды.

– Вы в своем уме? – пыхтит толстяк. – В этой воде можно подцепить любую заразу. – Он поворачивается к Зои. – Она с вами?

– Извините нас, – просит она. – Я не смогла ее остановить. – Зои встряхивает волосами, чтобы он поверил, что она ни в чем не виновата. Терпеть это не могу.

– Мы не вместе, – вмешиваюсь я. – Мы с ней вообще незнакомы.

Зои затыкается; мужчина из кафе в растерянности поворачивается ко мне. Он протягивает мне полотенце, чтобы я вытерла ноги. Потом говорит, что я сошла с ума. Что вся молодежь – сплошь наркоманы. Он разоряется, а я смотрю вслед Зои, которая уходит прочь. Она становится все меньше, пока наконец не скрывается из виду. Мужчина из кафе спрашивает, где мои родители, знаю ли я дядьку с золотыми зубами – тот как раз вылезает на противоположный берег и над чем-то хрипло хохочет. Не переставая ворчать, мужчина из кафе усаживает меня за столик и приносит чашку чая. Я кладу себе три куска сахара и отхлебываю маленькими глотками. Все на меня таращатся. У Кэла смущенный и перепуганный вид.

– Что ты наделала? – шепчет он.

Мне так сильно будет его не хватать, что хочется сделать ему больно. А еще хочется отвезти его домой и передать папе, пока я не погубила нас обоих. Но дома скучно. Там легко со всем соглашаться, потому что папа никогда ни о чем меня не попросит.

Чай согревает желудок. Пасмурное небо яснее и тут же снова хмурится. Даже погода не может решить, что ей делать, мечется и совершает ляп за ляпом.

– Пошли на автобус, – говорю я Кэлу.

Я встаю и обуваюсь, держась за край стола. Посетители кафе делают вид, что не смотрят на меня, но я ощущаю их взгляды. И от этого чувствую себя живой.

Одиннадцать

– Это правда? – спрашивает Кэл по дороге к автобусной остановке. – Тебе нравится болеть?

– Отчасти.

– Ты поэтому прыгнула в воду?

Остановившись, я смотрю на него, в его ясные голубые глаза. Они в серую крапинку, как и у меня. На фотографиях, где мы с Кэлом сняты в одном и том же возрасте, нас не отличить друг от друга.

– Я прыгнула потому, что составила список желаний. Сегодня я должна со всем соглашаться.

На мгновение Кэл задумывается, пытаюсь понять, в чем тут подвох, а потом широко ухмыляется:

– Значит, о чем бы я тебя ни попросил, ты согласишься?

– Именно.

Мы садимся в первый же подошедший автобус, залезаем наверх и устраиваемся сзади.

– Ладно, – шепчет Кэл. – Тогда покажи вон тому дядьке язык.

Когда я выполняю его просьбу, Кэл приходит в восторг.

– Теперь сделай козу той женщине на тротуаре и пошли воздушные поцелуи тем парням.

– Будет веселее, если мы сделаем это вместе.

Мы корчим рожи, машем рукой проходим, громко выкрикиваем «какашка», «жопа» и «пиписька». Когда мы наконец нажимаем звонок, чтобы сойти, наверху, кроме нас, никого нет. Мы успели надоест всем до чертиков, но нам

наплевать.

– А теперь куда? – любопытствует Кэл.

– По магазинам.

– Ты взяла с собой кредитку? Ты мне что-нибудь купишь?

– Да.

Сначала мы покупаем радиоуправляемый вертолет. Он может взлетать на десять метров от земли. Кэл запихивает коробку в урну у входа в магазин и запускает вертолет, который летит над нами по улице. Мы идем следом, ослепленные его яркими разноцветными огнями, и заходим в магазин женского белья.

Я усаживаю Кэла с мужчинами, которые ждут своих жен. Так приятно стянуть платье не для осмотра, а для того, чтобы сладкоголосая продавщица сняла с меня мерку и принесла кружевной и очень дорогой лифчик.

– Сиреневый, – отвечаю я, когда она спрашивает, какой цвет. – И к нему трусики.

Я расплачиваюсь, и она протягивает мне покупку в шикарной сумочке с серебристыми ручками.

Потом я покупаю Кэлу робота-копилку. Потом себе джинсы. Такие же, как у Зои – потертые, в обтяжку.

Кэл получает видеоигру для приставки. Я – изумрудно-черное шелковое платье; это самая дорогая вещь, которую я когда-либо покупала. Прищурившись, я разглядываю себя в зеркале и, оставив мокрое платье в примерочной, выхожу к Кэлу.

– Круто, – выдыхает он, заведя меня. – А нам хватит на электронные часы?

Я покупаю ему будильник, который показывает время в трехмерной проекции на потолке комнаты.

Потом обувь. Сапожки на молнии на низком каблучке. В том же магазине мы покупаем сумку, чтобы сложить все наши обновки.

После посещения магазина для фокусников нам приходится купить чемодан на колесиках, куда мы прячем сумку. Кэлу нравится его катить, но мне приходит на ум, что если мы еще что-то купим, то нужно будет приобрести машину, чтобы везти чемодан. Грузовик для машины. Корабль для грузовика. Потом мы купим гавань, океан, континент.

В «Макдоналдсе» у меня начинает болеть голова. Словно кто-то ложкой внезапно содрал с меня скальп и ковыряется в мозгу. Вокруг толпятся люди; у меня кружится голова, накатывает тошнота. Я пью парацетамол, понимая, что это лишь ненадолго ослабит боль.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает Кэл.

– Нормально.

Он видит, что я вру. Он наелся до отвала и сияет от радости, но в глазах испуг.

– Я хочу домой.

Приходится согласиться. Мы оба притворяемся, что это не из-за меня.

Я стою на тротуаре и, опираясь на стену, чтобы не упасть, смотрю, как Кэл ловит такси. Я не хочу, чтобы такой день закончился переливанием крови. Сегодня я не дам засунуть в меня эти чертовы иглы.

В такси Кэл ободряюще берет меня за руку; его лапка уютно прячется в моей ладони. Я наслаждаюсь минутой. Нечасто ему хочется взять меня за руку.

– Что нам теперь будет? – спрашивает Кэл.

– Ничего.

Он смеется.

– Давай еще как-нибудь сходим за покупками?

– Хорошо.

– А мы в следующий раз пойдем на каток?

– Ладно.

Кэл что-то бормочет про спуск по реке на плотах и что ему хочется покататься на лошадях, прыгнуть с моста на канате. Я смотрю в окно. В голове шумит. Свет отражается от стен и лиц, слепит глаза. Кажется, будто горит сотня костров.

Двенадцать

Едва открыв глаза, я понимаю, что нахожусь в больнице. Они все пахнут одинаково, и мне до боли знакома трубка, прикрепленная к моей руке.

Я пытаюсь сесть в кровати, но голова разламывается, и к горлу подкатывает желчь.

Подбегает медсестра с тазиком. Поздно: бо?льшая часть попала мне на грудь и на простыню.

– Ничего страшного, – успокаивает медсестра. – Сейчас мы все уберем.

Она вытирает мне рот, помогает перевернуться на бок и развязывает ночную рубашку.

– Скоро придет врач, – сообщает она.

Медсестры никогда не рассказывают, что знают. Их берут на работу за пышные волосы и жизнерадостный вид. Они должны выглядеть бодрыми и здоровыми, чтобы пациентам было к чему стремиться.

Помогая мне переодеться в чистое белье, она болтает со мной – рассказывает, что раньше жила в Южной Африке у океана.

– Там Солнце ближе к Земле и всегда жара.

Потом вытаскивает из-под меня простыни и проворно стелет чистые.

– А в Англии у меня ужасно мерзнут ноги, – признается она. – Так, теперь переворачивайся обратно. Уже? Вот так, молодец. Надо же, как мы все успели – вот и доктор пришел.

Бледный лысый доктор средних лет вежливо здоровается со мной и пододвигает стул от окна к кровати. Я все надеюсь, что в одной из этих больниц рано или поздно найду идеального врача, но пока все не то. Мне нужен чародей в плаще с волшебной палочкой или рыцарь с мечом – тот, кому неведом страх. А этот вежлив и внимателен, как продавец.

– Тесса, – произносит он, – ты знаешь, что такое гиперкальциемия?

– А если я скажу «нет», мне можно будет выбрать что-то другое?

Доктор смутился. В том-то все и дело: они не понимают шуток. Жаль, что у него нет ассистента. Лучше всего подошел бы шут: пока врач выносит заключение, тот щекочет его перышком.

Доктор листает лежащую у него на коленях историю болезни.

– При гиперкальциемии повышается уровень кальция. Чтобы его понизить, мы даем тебе бисфосфонаты. Тошнота и рассеянность уже должны уменьшиться.

– Я всегда в рассеянности, – сообщаю я ему.

– У тебя есть вопросы?

Он выжидательно смотрит на меня. Мне жаль его расстраивать, но о чем я могу спросить этого заурядного человечка?

Он говорит, что медсестра даст мне снотворное. Встает и кивает на прощание. В этот момент шут выложил бы до двери дорожку из банановых корок, а потом уселся бы около меня на кровати. Мы бы вместе хохотали в спину улепетывающему доктору.

Когда я просыпаюсь, уже темно, и я ничего не помню. Это пугает меня до смерти. Секунд десять я борюсь с этим чувством, суча ногами в сбившихся простынях, в полной уверенности, что меня похитили или того хуже.

Ко мне подбегает папа, гладит по голове, снова и снова шепчет мое имя, словно заклинание.

Тут я все вспоминаю. Я прыгнула в реку, уговорила Кэла пойти за покупками, потратила кучу денег, а теперь в больнице. Но от того, что на минуту забыла, кто я, сердце мое заколотилось, как у трусливого зайчишки: я ведь и правда не могла ничего вспомнить. Я стала никем и знала, что это случится снова.

Папа улыбается мне.

– Хочешь пить? – спрашивает он. – У тебя в горле не пересохло?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Хаггис – шотландское блюдо: бараний рубец со специями, начиненный потрохами.

3

Самаритяне – в Великобритании «телефон доверия» для людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhenni-daunhem/poka-ya-zhiva-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)